

В ОБЪЯТИЯХ ОДЕРЖИМОСТИ

Он называл
это любовью.
А Я — пленом.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЙРИС ТОРН

Айрис Торн

В объятиях одержимости

«Автор»
2026

Торн А.

В объятиях одержимости / А. Торн — «Автор», 2026

Я думала, что самое страшное осталось позади. Что, вырвавшись из его объятий, смогу наконец научиться жить заново.Но прошлое не отпускает тех, кто знает слишком много.Смерть отца оказалась не случайностью, семейные тайны превратились в смертельную ловушку, а человек, которого я боялась больше всего, всё ещё считает меня своей.Лео называет это любовью. Но разве любовь должна причинять столько боли?Логан готов защищать меня от целого мира. Только кто защитит моё сердце от воспоминаний, предательства и страха снова довериться?Теперь мне предстоит узнать правду, пережить собственные кошмары и сделать выбор.Между прошлым, которое хочет уничтожить меня, и будущим, в которое я боюсь поверить.Меня зовут Элис Рид. Я больше не собираюсь быть чьей-то пленницей.Ведь самое страшное — не оказаться в объятиях одержимости. Самое страшное — однажды принять их за любовь.

© Торн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Логан 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Айрис Торн
В объятиях одержимости

Глава 1. Логан

Некоторые люди возвращаются с того света совершенно другими. Мне же хватило нескольких секунд, чтобы вспомнить, каким ублюдком я был.

Первое, что я почувствовал, была боль.

Не та благородная, терпимая херня, о которой любят рассказывать герои боевиков, вытаскивая из собственного плеча пулю и тут же отправляясь трахать очередную красотку. Нет. Настоящая боль была куда прозаичнее. Она сидела где-то глубоко под рёбрами, расползалась по грудной клетке и превращала каждый вдох в отдельное, мать его, достижение.

Вторым был звук.

Мерное, раздражающее пищание.

Пик.

Пик.

Пик.

Кто-то явно решил, что моё возвращение в мир живых необходимо сопроводить самым отвратительным музыкальным произведением в истории человечества.

Я попытался открыть глаза.

Не получилось.

Попробовал снова.

На этот раз сквозь ресницы пробился свет. Белый, резкий, беспощадный. Я поморщился, и это простое движение отозвалось тупой болью в висках.

Блядь.

Если это ад, то у его дизайнеров серьёзные проблемы со вкусом.

Я попытался пошевелить рукой. Пальцы отозвались не сразу, словно принадлежали какому-то другому идиоту, которому не повезло оказаться в моём теле.

А потом я почувствовал тепло.

Чья-то ладонь лежала поверх моей.

Маленькая. Прохладная. Знакомая.

Я заставил себя повернуть голову.

И увидел её.

Элис.

Она сидела рядом с кроватью, неудобно склонив голову на сложенные руки. Тёмные волосы рассыпались по белой простыне. На ней была какая-то бесформенная серая толстовка, совершенно не подходящая к моей привычной картине мира, где Элис Рид должна была выглядеть либо чертовски раздражённой, либо чертовски соблазнительной.

Сейчас она выглядела просто измученной.

Я смотрел на неё несколько секунд, пытаясь собрать мысли.

Последнее, что я помнил, было обрывочным. Крики. Чужие голоса. Её лицо. Боль.

Потом темнота.

И теперь она здесь.

Живая.

Рядом.

Я хотел произнести её имя, но горло словно выстелили наждачной бумагой.

— Кр...

Получилось что-то среднее между хрипом и предсмертным бульканьем.

Прекрасно, Вандербильд. Всегда мечтал производить впечатление умирающего тюленя.

Я пошевелил пальцами.

Элис вздрогнула.

Сначала едва заметно. Потом резко подняла голову.

Наши взгляды встретились.

И, чёрт побери, я никогда не забуду выражение её лица.

Она смотрела на меня так, будто увидела призрака.

— Логан?

Голос прозвучал тихо, неуверенно.

Я попытался улыбнуться.

— Нет, блядь... Санта-Клаус.

Вышло ужасно. Голос сорвался, горло обожгло, а грудь пронзила такая боль, что я едва не потерял сознание.

Но она рассмеялась.

Коротко. Нервно.

А потом заплакала.

Вот это было уже совсем не по плану.

— Эй...

Она прижала ладонь ко рту, пытаясь сдержать рыдания.

— Ты... ты проснулся...

Я хотел сказать что-нибудь остроумное. Что-нибудь в своём стиле. Например, поинтересоваться, сколько времени она потратила на выбор столь отвратительной толстовки.

Но слова застряли в горле.

Потому что я заметил её запястья.

Из-под рукавов выглядывали следы.

Тонкие, неровные полосы на коже.

Некоторые уже побледнели. Другие оставались розовыми.

Я знал, откуда они.

Знал, что с ней делали.

И в ту секунду что-то внутри меня сжалось так сильно, что боль в груди показалась сущей ерундой.

Я осторожно сжал её пальцы.

— Крошка...

Она посмотрела на меня.

— Я здесь, — прошептала она.

Нет.

Не здесь.

Не совсем.

Я видел это по её глазам.

Раньше в них всегда что-то горело. Раздражение, сарказм, злость. Элис могла одним взглядом дать мне понять, что я самовлюблённый придурок, которому следовало бы засунуть собственное эго куда-нибудь поглубже.

Теперь её взгляд был другим.

Осторожным.

Словно она постоянно ожидала, что произойдёт что-то плохое.

И я понятия не имел, как это исправить.

Через десять минут в палате начался настоящий цирк.

Врач, две медсестры, какие-то проверки, вопросы, фонарик перед глазами.

— Мистер Вандербильд, вы понимаете, где находитесь?

— В борделе, очевидно.

Медсестра поджала губы.

— В больнице.

— Чёрт. Тогда обслуживание ещё хуже, чем я думал.

Врач оказался мужчиной лет пятидесяти, с редеющими волосами и выражением лица человека, которому давно надоело общаться с богатыми идиотами.

Возможно, мы уже встречались.

— Вы находились без сознания несколько дней, — сообщил он, изучая монитор. — Ваше состояние стабилизировалось, но восстановление займёт время.

Несколько дней.

Я перевёл взгляд на Элис.

Она стояла у окна, обхватив себя руками.

— Сколько? — спросил я.

— Простите?

— Сколько, мать вашу, дней?

— Шесть.

Шесть дней.

Шесть грёбаных дней я валялся здесь, пока мир продолжал вращаться без моего разрешения.

И пока Элис...

Я снова посмотрел на неё.

— Она всё это время была здесь?

Врач проследил за моим взглядом.

— Мисс Рид проводила здесь много времени.

— Логан, — тихо произнесла она.

Я проигнорировал её.

— Её осматривали?

Врач замялся.

— Медицинские сведения другого пациента...

— Я спросил, её осматривали?

— Логан!

Теперь её голос прозвучал громче.

Я повернул голову.

Элис смотрела на меня с тем самым выражением, которое я слишком хорошо помнил.

Раздражение.

Чёрт возьми, какое облегчение.

— Я сама могу отвечать на вопросы о своём здоровье, — сказала она.

— Не сомневаюсь.

— Тогда прекрати.

Я хотел возразить.

Очень хотел.

Но врач смотрел на нас с таким интересом, словно случайно включил очередную серию дешёвого семейного сериала.

— Выйдите, — бросил я ему.

— Мистер Вандербильд, нам необходимо...

— Пожалуйста, — добавил я.

Слово далось мне тяжелее, чем все медицинские процедуры вместе взятые.

Врач удовлетворённо кивнул.

— Мы вернёмся позже.

Когда дверь закрылась, в палате повисла тишина.

Элис не двигалась.

Я смотрел на неё.

Она смотрела в окно.

Прекрасное начало.

Шесть дней комы, и моя женщина уже предпочитает мне вид на парковку.

— Иди сюда, — произнёс я.

Она медленно повернула голову.

— Зачем?

Я приподнял бровь.

— Хочу проверить, не подменили ли тебя, пока я был в отключке.

— Логан.

— Элис.

— Ты только что очнулся.

— Спасибо за информацию. А я-то думал, почему у меня во рту вкус дохлой крысы.

Она едва заметно улыбнулась.

И я почувствовал почти болезненное удовлетворение.

Вот она.

Моя язвительная маленькая заноза.

— Подойди, крошка.

На этот раз она подчинилась.

Медленно.

Слишком медленно.

Когда Элис оказалась рядом, я поднял руку и коснулся её щеки.

Она вздрогнула.

Совсем немного.

Но я заметил.

Конечно, заметил.

Я всю жизнь занимался тем, что изучал людей. Их слабости, реакции, желания. Это было полезно в бизнесе. Ещё полезнее в постели.

Но сейчас я впервые пожалел, что умею замечать такие вещи.

Моя рука замерла.

— Я сделал тебе больно?

— Нет.

Слишком быстро.

— Элис.

— Нет, Логан. Просто... не надо неожиданно.

Я медленно опустил руку.

И впервые за очень долгое время не знал, что сказать.

К вечеру в палату заявились три придурка.

Зейн вошёл первым, неся огромный бумажный пакет.

— СУКИН СЫН! ОН ЖИВОЙ!

— Нет, блядь, — прохрипел я. — Это моя голограмма.

— Я говорил, что он не сдохнет! — радостно объявил Зейн, обращаясь к остальным. — Этот ублюдок слишком любит себя, чтобы покинуть планету.

Следом вошёл Уилл.

Идеально уложенные светлые волосы, дорогая рубашка, спокойное выражение лица.

Этот человек мог бы присутствовать на собственных похоронах и выглядеть так, словно собирается заключить выгодную сделку.

— Рад видеть тебя в сознании, Логан.

— Ты всегда был сентиментальной сучкой, Уилл.

— А ты, как вижу, не потерял способность раздражать окружающих.

Последним вошёл Алекс.

Он выглядел хуже остальных.

Под глазами залегли тени, на скуле темнел синяк, а выражение лица обещало кому-нибудь крайне неприятный вечер.

— Здорово, — коротко бросил он.

— Выглядишь паршиво.

— Взаимно.

Зейн поставил пакет на тумбочку.

— Принёс нормальную еду. Потому что, судя по тому, что здесь подают, больница пытается добить тебя самостоятельно.

— Ему пока нельзя это есть, — раздался голос Элис.

Она стояла в дверях с пластиковым стаканчиком кофе.

Зейн обернулся.

— Рид! Ты вообще спишь?

— Иногда. Когда вы трое перестаёте орать.

— То есть никогда, — заметил Уилл.

Я наблюдал за ними.

За тем, как Зейн осторожно обнял Габи, появившуюся следом.

За тем, как Алекс проверил сообщения на телефоне и нахмурился.

За тем, как Уилл незаметно забрал у Зейна пакет, пока тот не начал раскладывать еду на моей больничной койке.

Обычный вечер.

Обычные идиоты.

Почти можно было поверить, что всё вернулось на круги своя.

Почти.

— Где моя мать? — спросил я.

Тишина наступила мгновенно.

Зейн перестал улыбаться.

Уилл медленно опустил взгляд.

Алекс убрал телефон.

Элис застыла возле двери.

Вот теперь стало интересно.

— Я задал вопрос.

— Её ищут, — ответил Алекс.

— Кто?

— Все, кого удалось привлечь.

— И?

— Пока ничего.

Я медленно выдохнул.

Мать.

Элеонора Вандербильд.

Женщина, которая учила меня правильно держать вилку, выбирать галстук и никогда не показывать слабость.

Женщина, которая приказала превратить жизнь Элис в ад.

Мне хотелось смеяться.

Или разбить что-нибудь.

Желательно об чью-нибудь голову.

— Значит, она на свободе.

— Да, — ответил Уилл.

Я посмотрел на Элис.

Она стояла совершенно неподвижно.

И только пальцы, сжимавшие стаканчик, слегка дрожали.

Всё.

Решено.

Больше никто не приблизится к ней без моего ведома.

Никто.

Ни один человек.

Даже если ради этого придётся превратить весь чёртов город в охраняемую территорию.

— Мне нужен Дэвис, — произнёс я.

Алекс нахмурился.

— Зачем?

— Организовать охрану.

— Логан...

— Круглосуточную. У дома Элис, возле больницы, на всех маршрутах, которыми она пользуется.

— Нет.

Я повернулся.

Элис поставила стаканчик на подоконник.

— Что?

— Я сказала нет.

Зейн едва заметно поморщился.

Уилл заинтересованно посмотрел на потолок.

Предатели.

— Крошка, сейчас не время...

— Именно сейчас время, Логан. Я не хочу, чтобы за мной постоянно ходили какие-то мужчины.

Я стиснул зубы.

— Они будут охранять тебя.

— Я понимаю, что ты говоришь.

— Тогда в чём проблема?

Она посмотрела на меня.

Долго.

И ответила так тихо, что я едва расслышал:

— Я хочу хотя бы иногда оставаться одна.

Что-то неприятно кольнуло под рёбрами.

Не боль от ранения.

Что-то другое.

Я мог купить ей дом.

Мог нанять лучших врачей.

Мог заставить половину штата искать мою мать.

Но я не мог понять, почему мысль о том, что Элис останется без защиты хотя бы на час, вызывала у меня почти животный ужас.

— Мы обсудим это позже, — сказал я.

— Нет, Логан. Мы обсудили это сейчас.

Она вышла.

Я смотрел на закрывшуюся дверь.

И чувствовал, как внутри поднимается знакомая ярость.

— Даже не думай, — произнёс Алекс.

Я медленно повернул голову.

— О чём?

— Отдавать Дэвису приказ за её спиной.

Я усмехнулся.

— Ты слишком много на себя берёшь.

— А ты слишком мало понимаешь.

Зейн тихо присвистнул.

— Парни, может, не будем устраивать гражданскую войну в палате интенсивной терапии?

Но Алекс не отступил.

— Она только выбралась из места, где не могла самостоятельно решить, когда ей есть, спать и выходить из комнаты. А ты собираешься окружить её людьми, которые будут докладывать тебе о каждом шаге.

Я молчал.

Потому что мне не понравилось, насколько точно он описал мой план.

— Я пытаюсь сохранить ей жизнь.

— Тогда начни с того, чтобы позволить ей жить.

Я отвернулся к окну.

И мысленно послал его к чёрту.

Ночью я не спал.

Не потому, что не мог.

Я просто не хотел.

Каждый раз, когда закрывал глаза, передо мной возникали обрывки того, что я пытался забыть.

Подвал.

Её руки.

Следы на коже.

И тот факт, что я не оказался рядом достаточно быстро.

В два часа ночи дверь палаты тихо открылась.

Элис.

На ней всё ещё была та серая толстовка. Волосы она собрала в небрежный хвост, а под глазами залегли тени.

— Ты не спишь? — спросила она.

— Нет, крошка. Я просто репетирую собственную смерть с открытыми глазами.

— Придурок.

Она подошла ближе.

На этот раз я не протянул к ней руку.

Ждал.

Элис села на край кровати.

Некоторое время мы молчали.

— Мне страшно, — неожиданно сказала она.

Я повернул голову.

— Из-за матери?

— Из-за всего.

Она смотрела на свои пальцы.

— Иногда мне кажется, что я всё ещё там. Просыпаюсь и несколько секунд не понимаю, где нахожусь. Проверяю дверь. Смотрю на окна. Прислушиваюсь к шагам.

Я почувствовал, как сжимаются кулаки.

— Элис...

— И самое ужасное, — продолжила она, — что иногда я даже не хочу выходить из дома. Я знаю, что могу. Но не хочу. А потом ненавижу себя за это.

Я смотрел на неё.

И ненавидел каждого ублюдка, который сделал это с ней.

— Ты ни в чём не виновата.

Она усмехнулась.

Горько.

— Ты говоришь как Габи.

— Не оскорбляй меня.

На этот раз она действительно улыбнулась.

Ненадолго.

Потом осторожно положила голову мне на плечо, стараясь не задеть больную сторону.

Я замер.

Её волосы пахли шампунем.

Чем-то мягким, знакомым.

Я вспомнил, как раньше она могла стоять передо мной, уперев руки в бока, и с совершенно серьёзным лицом объяснять, почему я являюсь худшим представителем мужского пола.

Вспомнил её губы.

Её смех.

То, как она произносила мою фамилию, когда хотела вывести меня из себя.

И ощутил желание.

Неожиданное, болезненное, совершенно неуместное.

Мне захотелось притянуть её ближе. Поцеловать. Почувствовать, что между нами осталось хоть что-то от прежних нас.

Я повернул голову.

Она подняла глаза.

Наши лица оказались совсем рядом.

— Элис...

Она посмотрела на мои губы.

Всего на секунду.

Потом сама осторожно поцеловала меня.

Коротко.

Почти невесомо.

Я едва успел ответить, прежде чем она отстранилась.

И увидел, как изменилось её лицо.

Взгляд стал рассеянным.

Дыхание участилось.

Она резко выпрямилась.

— Прости.

Я нахмурился.

— За что?

— Я... не знаю. Просто...

Она встала.

Слишком быстро.

— Мне нужно выйти.

— Элис, подожди.

Она замерла у двери.

Я хотел сказать, что всё нормально.

Что она может не целовать меня.

Что мне достаточно просто знать, что она жива.

Но вместо этого спросил:

— Ты теперь меня боишься?

Она долго молчала.

Потом повернулась.

— Иногда я боюсь всех, Логан.

И вышла.

Я остался лежать, глядя в потолок.

Пик.

Пик.

Пик.

Грёбаный аппарат продолжал отсчитывать удары моего сердца.

Я медленно повернул голову к телефону, который Зейн оставил на тумбочке.

На экране светилось несколько непрочитанных сообщений.

Одно от наемника Кэша.

«Мистер Вандербильд, рад вашему возвращению. Ожидаю распоряжений».

Я смотрел на сообщение.

Вспоминал слова Элис.

Вспоминал её запястья.

Её испуганный взгляд.

Её тихое «иногда я боюсь всех».

И набрал ответ.

«Мне нужны двое. Без формы. Никакого контакта с ней. Дистанция не меньше квартала. Доклады каждые четыре часа. Она не должна ничего заметить».

Я перечитал сообщение.

Палец завис над кнопкой отправки.

Где-то в глубине сознания прозвучал голос Алекса.

Позволь ей жить.

Пошёл он к чёрту.

Я нажал «Отправить».

Потом удалил переписку с экрана телефона.

И впервые за весь день почувствовал, что хоть что-то контролирую.

Я не собирался снова её терять.

Не после всего.

Не из-за собственной беспечности.

И уж точно не потому, что Элис Рид решила, будто может самостоятельно разобраться с миром, который однажды уже едва её не уничтожил.

Пусть ненавидит меня. Пусть кричит, уходит, хлопает дверями.

Я переживу.

А вот ещё один её гроб я не переживу никогда.

И если для того, чтобы она осталась жива, мне придётся стать человеком, от которого она однажды зах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.